

Александр Цыпкин

ДОМ ДО СВИДАНИЙ

И НОВЫЕ БЕСПРИНЦИПНЫЕ ИСТОРИИ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ
БЛАНЯ 18+

Александр Евгеньевич Цыпкин

Дом до свиданий и новые беспринципные истории

Серия «Одобрено Рунетом»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18116078

Дом до свиданий и новые беспринципные истории/ Александр Цыпкин.:

АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-098026-0

Аннотация

Александр Цыпкин – один из самых необычных литературных и театральных дебютов за последнее время. Его первый сборник лирическо-хулиганских рассказов «Женщины непреклонного возраста» стал самой продаваемой сатирической книгой в России в 2015 году. Тираж 50 000 экземпляров и первое место в рейтинге российской прозы сети книжных магазинов «Москва». Заняв его в августе 2015 года, Цыпкин до сих пор держится в топ-20, что является российским рекордом.

Рассказы, собранные в новой книге, читали со сцены такие актеры как Сергей Бурунов, Максим Виторган, Сергей Гармаш, Михаил Гореvoy, Ингеборга Дапкунайте, Виктория Исакова, Данила Козловский, Анна Михалкова, Михаил Морозов, Елена Полякова, Петр Семак, Павел Табаков, Полина Толстун,

Андрей Ургант, Николай Фоменко, Константин Хабенский, Юлия Хлынина, Дмитрий Чеботарев, Катерина Шпица, и др.

Содержание

Много букв	7
Среднее. Сексуальное	7
Мышки по норкам	11
О счастье	24
Диагноз	26
Царапина	29
Это будет не трудно	35
Окно	42
Черная зависть	54
Управленческое. Эффективное	62
О демократии	64
Волшебник страны 03. Веселая драма	66
Маркуша и папочка	70
Бульварное	74
Жертвенное. Мужское	77
Геннадий Валентинович. Притча о загадочной женской любви	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

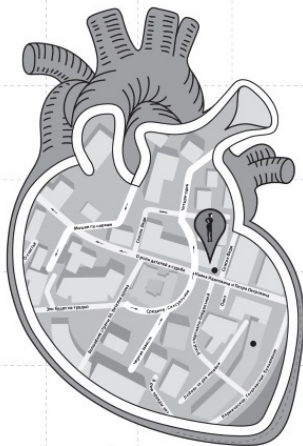
Александр Цыпкин

Дом до свиданий и новые беспринципные истории

Посвящается опять мне

Серия «ОДОБРЕНО РУНЕТОМ»

Александр Цыпкин
ДОМ
ДО СВИДАНИЙ

и новые беспринципные истории

Оформление обложки: Юлия Межова

Иллюстрация: Анна Ксенз

Фото: Сергей Сёмкин

© Александр Цыпкин, текст, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Дорогие читатели, хотя мне привычнее обращение дорогие зрители, так как, возможно, вы знаете, что я в основном рассказываю свои истории с театральной сцены. Поэтому давайте представим, что это не книга, а спектакль из нескольких историй. Возможно, какие-то заставят вас смеяться, какие-то плакать, а может они вообще вам не понравятся. Тем не менее все будет как в театре, два отделения и антракт, чтобы вы смогли сходить в буфет. Без буфета, сами понимаете, никак нельзя. Невозможно.

Начнем, пожалуй, с рассказа, которым я открываю практически все свои беспринципные чтения. Он короткий и емкий, в нем практически все, что я люблю: секс, сарказм, немного Питера, немного детства и «глубокая философская мысль», спрятанная за всем этим монументальным забором. Если честно, «глубокую философскую мысль» без такого предупреждения никто не видит, но она есть. Я точно знаю.

Занавес, поехали.

Много букв

Первое отделение

Среднее. Сексуальное

Речь о юности – времени одинокого проживания в культурной столице. Оба эти фактора не оставляли мне выхода, и приходилось вести разгульный образ жизни. Иногда снисходил до разового киносекса. Зовешь барышню домой смотреть документальный фильм, а там как повезет.

Оффтоп. Помню, как уже в зрелом возрасте знакомая жаловалась на новоявленного ухажера: «Позвал домой смотреть кино и начал, сука, смотреть кино».

Так вот. Очередной заход в кассу кинотеатра, ну то есть приглашение пойти погулять с последующим домашним «просмотром». Самое сложное для порядочного человека, пытающегося беспорядочно поступить на первом свидании, – это так пригласить в гости, чтобы не менее порядочная девушка, собирающаяся поступить тем не менее так же, как и я, оставалась чиста перед своей совестью. Игра идет по Станиславскому до последнего. Итак, гуляем мы по парку, ищу нужную светотень для главного предложения, и тут неожиданно в меня стреляют первым.

– Холодно, поехали ко мне, кино посмотрим, дисков новых тут накупила.

Хотел было повторить часто слышанное мною: «Ну только точно кино, и я домой». Но воздержался. Просто лениво так булькнул:

– А чего смотреть будем?

– «Том и Джерри».

Приходим. Дома нет даже телевизора. Начинаю смутно подозревать. И тут меня сгубило любопытство и жажда правды. Не помню формулировки, но смысл был такой: «А чем вызван настолько прямолинейный интерес к моей персоне?»

– Рекомендацию дали.

В те времена по телевизору шла навязчивая реклама под лозунгом: «Рекомендации лучших собаководов». Ощутил себя пуделем.

Но не это было самым ужасным. Я, как хороший пионер, стал париться насчет оправдания возложенных надежд. Кто меня рекомендовал, я не знал, но мерзкое для мужчины состояние «надо не облажаться» поселилось там, где только что порхали похотливые насекомые. И с каждой минутой бабочек было все меньше, а страха все больше.

Еще один оффтоп. В детстве мне, как и всем, периодически приходилось стоять на табуретке и читать стихи. Получалось сносно, пока один раз мама не сказала: «Сегодня будут гости, надо постараться». Я все забыл, зарыдал прямо на сцене, и билеты зрителям пришлось вернуть. С горя и

стыда залез под праздничный стол, куда папа решил открыть бутылку шампанского, чтобы пробкой не попасть в гостей. Попал он прямо в мою тихо рыдающую жопу. Мне до сих пор себя жалко, а все потому, что не надо было анонсировать мой успех.

Скажу так. Стихи тогда я прочел лучше, чем выступил в качестве любовника в указанных выше обстоятельствах.

Мост развелся не до конца, все время норовил свестись раньше времени и в итоге рухнул. Любые попытки повторного подъема приводили к картине: «Несобранный урожай». В такой ситуации остается шутить, а это, к счастью, я умею, независимо от состояния. Жег, как никогда. Барышня обхохотывалась. Пару часов шедеврального стендапа кое-как спасли ситуацию. Наконец я собрался домой и, уходя, извинился:

– Прости, рекомендации не оправдал.

– Наоборот, оправдал на сто процентов!

Я стал похож на красную лампочку рентгенолога.

– В смысле?

– Мне так и сказали, секс средний, но очень весело. А мне так грустно последнее время... у меня депрессия полгода уже. Меня никто вытащить не мог, а ты смог. Спасибо тебе, правда.

Показалось, что папа опять выстрелил мне в задницу шампанским.

Я лишь задумался о многослойности понятия «средний

секс».

Дома до утра смотрел кино.

А ведь осчастливил все-таки девушку! Никогда не знаешь, чего от тебя хотят, за что любят и как именно ты можешь спасти близкого тебе человека.

Мышки по норкам

Иногда нам всем нужна последняя капля. Познакомился я в двухтысячных с человеком по имени Артур. Интересное было у него занятие, я бы даже сказал занятость: интервьюирование, отбор, обучение, прием на работу, разработка программы мотивации и системы оплаты труда, ну и увольнение. Да, вы угадали. Артур занимался кадрами. Если точнее, он был сутенером.

В Петербурге, особенно в тучные годы, проходило много конференций и форумов. Эти прекрасные события обеспечивали хлебом с напитками значительное количество горожан и гостей Северной столицы. А уж какой праздник происходил в душе девушек, не готовых работать в борделе, но стремящихся тем не менее как-то монетизировать хорошую генетику, и описать сложно.

Ведь это какие мужчины со всей страны приезжают!

4У-самцы: Ухоженные, Упитанные, Умные, Успешные. В России и бесплатно с такими переспать не зазорно, а уж за деньги – так просто святая обязанность. И лицо в каталогах продаж не светишь. Более того, иногда даже не нужно ложиться в постель. Просто походила из угла в угол на вечеринке – и домой, к Бунину с Бродским. Платят меньше, но и угрызения не грызут.

Так вот, Артур в этом подряде отвечал за многое, но глав-

ным, как я уже сказал, были кадровые решения. Технология следующая: назначался ресторан, его закрывали, пускали слух о кастинге, девицы приходили, располагались за столиками и пили чай. Со стороны – гламурное такое Иваново. Артур подсаживался к тем, кто проходил его визуальное сито, болтал, выяснял, на что барышни готовы, как у них с головой, и принимал окончательное решение.

Одним октябрём случилась в городе какая-то крупная конференция. И приехала на нее дама-начальница с девушкой-помощницей. Боссше, помогавшей чинушам разумно инвестировать за границей украденное, серьезно за сорок, ассистентке – несерьезно. Прибыли женщины заранее и пошли гулять по городу. Октябрь в Питере такой, что особо не пошляешься, и вскорости они решили согреться. Заходят в ресторан, их спрашивают:

– Вы на конференцию?

– Да.

– Работать?

– Да, а что?

– Тогда проходите.

Женщины переглянулись, но не обратили внимания. Ну мало ли, случайно попали в закрытый для участниц конференции общепит.

А далее случился прелюбопытнейший разговор с Артуром, который в этом кафе как раз оказался по работе.

– Девочки, не возражаете – подсяду, поговорим по ду-

шам?

Артур был хорош собою, и возразить ему было сложно. Тем более, по душам неожиданные гости этого кастинга говорили только между собой последнее время.

– Конечно!

– Я Артур.

– Мария и Анна.

– О как. Недолго вы имена выбирали, обычно все Марии хотят стать Анжеликами, а вы вот не паритесь.

– Ну вообще-то родители выбирали, – засмеялась тронутая вниманием мужчины Мария, привыкшая быть Марией Александровной. Хорош был Артур. Эх, хорош. Точнее, так плох, что не устоять.

– Ого! Редко я общаюсь с девушками, которые представляются своими именами.

– Где же вы их таких находите-то, скрытных? Нам стесняться некого.

В голове включившегося Артура проскочило: «Этой точно некого! Москва приехала».

– Побольше бы таких! Первый раз на конференции работаете?

– Да нет, я уже несколько лет по всему миру болтаюсь, а вот Аня, ассистентка моя, первый раз. Пусть хоть отдохнет, конференция – это ж не в кабинете с утра до вечера пахать.

Артур оценил чувство юмора бойкой представительницы старшего поколения, которая, конечно, чуть выбивалась из

возрастных рамок, самим же им поставленных, но выглядела настолько лучше, а точнее качественнее абсолютно всех пришедших на этот конкурс красоты и чистоты, что он решил взять ее на борт в любом случае. Тем не менее наличие ассистентки разрывало все шаблоны. Он даже потерял ненадолго бронебойную вальяжность и стал похож на лингвиста в магазине сантехники.

– Ассистентка? Ага... м-м-ммм... То есть вы вдвоем, так сказать, трудитесь?

– Да. Аня всегда со мной. С прошлого места забрала. В моем возрасте как-то без ассистентки уже дурной тон, коллеги засмеют. Да и потом, лишние руки. Столько же чисто технической работы, у меня уже иногда не хватает сил до конца дело довести.

Мария Александровна кокетничала и флиртowała. Этот кислород у женщин нельзя отнимать. Никогда. Никому. Без него женщины... нет, не умирают, они просто начинают дышать углекислым газом – человек привыкает ко всему. А вот Артур понял, что в профессии еще много, чего он не знает, особенно про доведение дела до конца.

– То есть Аня с тобой даже с прошлой работы! Завидная преданность. А если не секрет, что за работа была, как-то мне обычно про тяжелую судьбу приходится слышать. А ты такая жизнерадостная, позитивная, а главное – искренняя!

– Да ладно вам, в моем бизнесе без жизнерадостности никак. Люди верят только счастливым. Я была вице-президен-

том банка. Но такая тоска и скука, что ушла вот, скажем так, в консалтинг, помогаю в основном госслужащим в решении ряда интимных вопросов. Они же никому не доверяют, а меня давно знают. Мне можно.

Артур разное слышал в жизни и удивить такого эксперта было достаточно сложно, но такой дауншифтинг был радикален даже для него. Бог и дьявол питерских куртизанок раскрыл рот и превратился в мальчугана, попавшего на шоу Копперфильда.

– И... давно ты... занялась решением интимных вопросов государственных служащих?

– Года два, и знаете...

– Можно на ты.

– Ага, спасибо, знаешь, как глоток свежего воздуха! Единственное, конечно, приходится иногда работать психологом. Дел-то у них иногда на пять минут, а вот разговоров – на час. В основном про серую жизнь, жену, детей и любовниц, и что с ними со всеми делать. Скоро буду еще и за психоанализ брать.

Артур никогда не думал о работе проститутки, как о глотке свежего воздуха, но решил, что просто раньше не смотрел на это явление свежим взглядом, надышавшись свежим воздухом. Он даже себя стал как-то особенно уважать. Все-таки воздух людям несет. Свежий.

– Свежий воздух... Это ты так поэтично... А Аня спокойно эту перемену восприняла?..

Мария Александровна продолжила шоу.

– С радостью, да, Ань?

Аня кивнула. Мария Александровна так очевидно блистала и держала внимание красавца Артура, что конкурировать серенькая девушка не решилась. Просто улыбалась. А начальница разошлась:

– Столько новых людей, навыков. Ей же потом цены не будет. Может, хоть замуж ее выдам. Два раза звали уже, но по возрасту не подходили. Богатые, но не настолько старые, долго проживут.

Мария Александровна хохотнула.

– Хотя такими темпами и меня скоро замуж нужно выдавать будет...

Жизнерадостности поубавилось.

– А что так?

Разговор ненадолго вышел из гротеска, и Артур ухватился за соломинку реализма.

– Моя новая работа мужу не очень понравилась. А особенно, что я опять зарабатываю больше, чем он. Если честно, мы в фиктивном разводе.

В голосе была печаль. Не хотела Мария Александровна разводиться. Страх одиночества и привычка. Привычка и страх одиночества. Марии Александровне некому было все это сказать, а тут незнакомец, мужчина, понравился, вырвалось. Как иногда в купе с соседом говоришь о самом сокровенном. Артур одиночество услышал, но решил к нему вер-

нуться позже. В данную секунду его изумляла осведомленность мужа.

– Не **ОЧЕНЬ** понравилась?

– Ну, говорит, вообще – это мое право, но я часто допоздна работаю, дома не бываю. Еще ему мои клиенты, видите ли, кажутся ворьем. Он с парочкой знаком, так как мы иногда ужинать вместе ходили.

Говоря языком шоу Копперфильда, маленький Артур только что увидел, как дядя Дэвид превратился в Джона Сноу, отрубил головы всем зрителям, изрыгнул огонь и запел «Как упоительны в России вечера», но на хинди.

Он смог только выдавить из себя:

– А ты что?

– Знаешь, муж может запрещать женщине работать с мультимпликатором два.

– Это как? Мульти... что?

Аня, которая последнее время стала Марии Александровне сестрой и лучшей подругой во всех ее драмах, знала историю из первых рук и поэтому скучала, удивляясь, правда, неожиданной откровенности скрытной обычно начальницы. Но тут улыбнулась. Теория с мультимпликатором два ей очень понравилась. Она решила обязательно найти себе именно такого мужа.

– Ну это если муж готов платить жене в два раза больше, чем жена сама зарабатывает. Тогда имеет право сажать под домашний арест для разведения кактусов. Я его честно спро-

сила. Он не может. Поэтому я работаю. Ну, как могу, так и работаю. А он моих денег не выдержал. Знаешь, мне кажется, он даже из-за этого перестал... Ладно, не важно, извини.

Мария Александровна поняла, что начинает говорить лишнее. Муж и правда перестал с ней спать. Эта метаморфоза поразительным образом совпала с ростом ее благосостояния. Первый раз, когда она сообщила о масштабном повышении своей зарплаты, он чуть ли не нарочито ей не дал, резко бросив: «Не хочу». Ей показалось, что какое-то внутреннее удовлетворение проскользнуло по его лицу в ответ на набухшие от обиды глаза не вовремя ставшей состоятельной тридцатисемилетней женщины. Муж мстил. Потом появилась молодая, бесцветная в остальном, любовница. А Мария Александровна ответить тем же не могла в силу принципов. Ей, конечно, предлагали, но... В итоге муж сказал, что хочет пожить один, но разводиться не спешил. Продолжал мстить.

– Не вынес он моей работы, хотя я честно обо всем ему рассказывала. Ладно, прости, ты же жизнерадостных любишь. Я помню.

Аня слушала и делала выводы: «Мой муж ничего не будет знать о моих деньгах, и вообще, карьеру нужно иметь в рамках разумного, как и внешность. Мышки по норкам. Так надежнее».

Тем временем Артур пытался проанализировать, что пил утром, внимательно посмотрел на пачку сигарет, понюхал кофе и сдался понять этот мир. Ушел в бизнес:

– Ну ладно, давай к делу. То есть я так понял, ты на конференции по полной работать готова, не просто на тусовках постоять. Хотя понятно, конечно, не твой уже вариант.

– К делу... Ну давай... По самой полной, тут же все основные клиенты, два часа плотной работы здесь, и он потом все деньги тебе принесет. Я же с самым ценным работаю, все слабые места знаю у человека, жене такого даже не рассказывают.

– Слушай, ты не обижайся, а вот точно Аню нужно брать сейчас? Ты-то как S-class выглядишь, отпарафинена, а она, ну прости, конечно, не очень проходит. Без обид, но руки, прическа, да и вообще, вялая какая-то. Тут все-таки тебя не все знают, народ новый. Может, ты одна справишься? Маш, что скажешь?

Повисла пауза. Аня опунцовела. Мария Александровна приняла эту претензию на свой счет лично, хотя понимала ее полную обоснованность. Как бы она ни заставляла ассистентку начать за собой следить, все упиралось в ее лень и чрезмерную лесть клиентов. Она давала Ане деньги, потом сертификаты на салоны красоты, потом абонементы в фитнес. Аня кое-как привела себя в вид, достойный приемной, но не более.

– Ань, нет, ну правда, из тебя можно принцессу сделать за месяц, вот ты на свою ну... на начальницу посмотри. Не придраться же. Сколько тебе, Маш? 37–38?

– Не важно.

Мария Александровна растаяла внутри, но сдавать свою воспитанницу так легко не собиралась: «А, черт возьми, приятно, конечно, на семь лет ошибся! Это он еще грудь не видел... Ее, правда, никто не видел, э-э-эх...»

Артур продолжал:

– Я понимаю, деньги, время, зал, сиськи вон за десятку, но это же бизнес, и нужно соответствовать. Так что давай без Ани. А тебя я беру, у меня человека три-четыре прямо твои пассажиры, работаем пополам.

– Значит, так. Я не понимаю, что там у тебя за клиенты для меня, я обычно не жалуясь на низкий спрос, но Аня со мной везде будет. Вообще не понимаю, как это тебя касается. И пятьдесят процентов – это, конечно, ты совсем совесть потерял. За хорошего клиента готова отдать десять процентов с первого платежа. Ну ладно, двадцать. Потом он мой. И еще надо посмотреть, о ком вообще речь. Мы знакомы полчаса.

Ане стало стыдно за то, как она с подругами насмехалась над начальницей и ее несчастьем. Аня тоже не могла простить Марии Александровне ни красоты, ни успеха. А вот в голове Артура поселилось восхищение: «Есть еще женщины в России. Мы их всей страной топим, а они выплывают!»

– Да уж понятно, что ты потом его не отпустишь. Ладно, давай в порядке исключения твои семьдесят процентов. Аню бери, если хочешь, но поверь, она тебе все испортит. Сама потом разгребай. И деньги все с клиентов я получаю зараннее, иначе потом вытряси с них чего! Но и еще. Это Питер,

тут цены не московские, гости всё же на музеи тратят, душу развивают, на теле потом экономят, ну ты, думаю, в курсе.

Артур приструнил внутреннюю жабу, вспомнил о восхищении и сделал предложение:

– Максимум трешка за ночь, даже за такую, как ты.

Аня сменила красное лицо на пурпурное и решила не ставить чашку назад, чтобы не разбить звуком застывший воздух. Так и сидела, вечно пьющая чай.

Мария Александровна не зря была когда-то вице-президентом банка. Соображала быстро. Краснела редко. Пауза была короткая. Голос стал титановым:

– Я правильно понимаю, что ты решил, что мы проститутки?

Артур тоже не зря занимал свой пост. Более того, он успокоился. Мир все-таки не сошел с ума. Пауза была короткая. Голос стал неоновым.

– А я правильно понимаю, что понимаю неправильно?

– Мы что, на них похожи?

В вопросе слились негодование и любопытство.

– Все похоже, если на кастинг проституток приходят. Ты вокруг посмотри. Ничего не удивляет? Думаешь, в Питере мужчины закончились? Кстати, помощница твоя кастинг не прошла. А ты да. Лучшая в сезоне. Не знаю, обрадует ли это тебя.

Мария Александровна инстинктивно захотела дать Артуру по лицу, но остановилась и посмотрела на ситуацию с дру-

гой стороны. Это, пожалуй, основной жизненный навык, который приходит исключительно с возрастом.

— Аня, выйди, подожди меня на улице.

Артур никогда не видел такого моментального испарения человека и задумался о возможности телепортации.

Мария Александровна отличалась способностью убирать из разговора воду. Она задала вопрос.

— Слушай, а ты что, правда считаешь, что я... Ну, что кто-то готов три тысячи... за... ну... а то я уже, по-моему, сама скоро готова буду заплатить, если честно. Муж ушел к какой-то мыши, с клиентами нельзя, в метро не езжу.

— Не три, а пять. Я бы тебя на двушку кинул. Да ты в полном порядке! Я бы сам... Ну, взаимозачетом, чтобы трешку туда-сюда не гонять, раз ты сама готова платить, говоришь. Честное слово, сидел думал, как бы тебя на тест-драйв развести, но понимал, что не проканает. Вот тебе телефон. Я же все-таки лучше, чем мышь твоего мужа. Звони в любое время.

Мария Александровна потеряла в возрасте еще лет пять, уставилась в пустоту, отчетливо понимая, на кого именно она сейчас смотрит. Победила и, уходя, оставила мост не сожженным.

— Я тебе, Артур, позвоню. Позвоню. Взаимозачет же. Без комиссий?

— Без.

Через месяц она развелась. Через полгода вышла замуж.

Спать с Артуром Мария Александровна не стала. Прислала фотку из ЗАГСа с подписью: «Спасибо, Артур».

Артур внутри от этого треснул, что-то сломалось, что-то самое главное для мужчины. Дядя Девид улетел и оставил мальчика одного. Он стал искать такую же. А таких – одна на миллион.

Ведь по норкам мышки.

О счастье

Помню один из первых диалогов с канадским моим работодателем по случаю майских праздников. Девяностые. Я переводчик, организатор, секретарь, ксерокс, официант, водитель... Все в одном флаконе. Конференцию готовлю, в общем.

– Саша, а в честь чего эти ваши грядущие выходные?

– День труда.

– День чего???

Я был горд из-за того, что, пожалуй, впервые ко мне прислушались и выступил в притягательной роли «бывалого». Первый шаг к катастрофе почти всегда.

– Труда.

– Вы отмечаете день труда выходным?

– Четырьмя.

– И что вы делаете?

– В основном пьем и бездельничаем, раньше ходили по площади, но теперь как-то... лень.

– И все это в честь труда? Четыре дня?

– Ну да...

Я начал задумываться.

– За свой счет? Это такая традиция? Берете отпуск?

– Не-е, это государственные праздники, плюс выходные.

– То есть государство сознательно дает четыре дня на

пьянство и безделье, чтобы отметить важность работы. Это многое объясняет из того, что я наблюдаю.

Майские я провел на работе, как и остальные студенты, искавшие легкие доллары на данном прожекте.

– Цыпкин, блять, культуролог хренов, трепло, тебя кто за язык тянул про день труда Майклу рассказывать? Всех подставил, идиот!

Мне объявили бойкот и вскоре я уволился. Пошел работать на шведов. Нормальные ребята. Первой выходной.

А Майкл переехал в Россию и спился счастливым.

Диагноз

Рубрика «чем Бог послал» (имеется в виду, сам такое не придумаешь).

Итак, у знакомой начала болеть голова. Не в смысле, что ей опостылил супружеский долг, а реально начала гудеть, даже во время исполнения оного. Русские люди делятся на две категории. Первые идут к врачу до того, как надо, вторые – после того, как надо. Вовремя – не умеет никто, отсюда все проблемы. Через месяц приема обезболивающих у девушки появилась мысль, что цитрамон не сдюжил.

Выбрала она модную клинику. Чуть ли не главный врач выслушала всё в подробностях и предложила немедленно переместиться в морг, сделав, конечно, для успокоения души МРТ. Дескать, понятно, что опухоль. Помочь уже ничем нельзя, поэтому готовьтесь. Но если денег не жалко, можно получить фактические подтверждения.

Несмотря на административный ресурс, МРТ показал, что опухоли нет. Завешание, из-за которого все уже успели переругаться и приобрести язву, было торжественно сожжено.

Осознав, что придется лечить, гуру выписала направления во все кабинеты клиники, кроме щитовой и серверной.

После трех месяцев анализов, приемов врачей и таблеток, посещения процедур и сеансов, список лекарств, необходи-

мых для ежечасного употребления, перестал помещаться в outlook-календарь, а общий счет за карусель составил более трехсот тысяч, пусть уже никчемных, но все-таки рублей.

В итоге коллектив клиники, включая сисадмина, пришел к неутешительному выводу. Диагноза нет. Результата нет. Больной тем не менее жив.

История закончилась в кабинете, в котором и началась.

Пролистав результаты всего и вся, женщина выпуска середины прошлого века с научными и административными регалиями, вызывающими дрожь во всем квартале, надев помертвую маску Гоголя, заявила следующее.

– А я знаю, что с вами.

Голова от любопытства перестала болеть, а пациентка превратилась в одно большое ухо.

– И что же?

– Вы только серьезно отнеситесь к моим словам.

До этой неординарной рекомендации знакомая, разумеется, относилась ко всему несерьезно.

– Я думала, думала, и знаете что...

В ожидании катарсиса даже снег на улице остановился и прислушался.

– Сглазили вас!

Конец фильма.

P. S. Голова вскоре прошла.

P.P.S. Я вот думаю, с рублем та же беда. Сглазили его.

О роли деталей в судьбе Ивана Ивановича и Петра Петровича

Вот иногда кажется, как похожи у людей судьбы, характеры и мысли, только вот как пел БГ: «некоторые женятся, а некоторые так». Вашему вниманию предлагаются рассказы-близнецы практически о людях-близнецах. Итак, начнем.

Царапина

Жил на свете Иван Иванович Шнеерсон. Он был добротным еврейским мужем. «Два Никогда» бесконечно бунтовали в его голове, но победить их не представлялось возможным. Он бы никогда не бросил жену и никогда бы не смог оставаться окончательно верным. Отсюда переживания, расстройства желудка и провалы в расписании. Более того, г-н Шнеерсон входил в тот мужской возраст, когда временных подруг ночей суровых уже бессовестно было бы удерживать только на голом энтузиазме. Ему было около пятидесяти.

Подозрения в том, что он не Ален Делон и тем более не Рон Джереми, посещали его всё чаще, и ощущение несправедливости по отношению к своим любовницам Иван Иванович заливал подарками, но вел в голове невидимый баланс всех этих пожертвований, чтобы всё более-менее поровну. Но у жены всегда был контрольный 51 процент его подарочного бюджета.

Баланс этот видели только сам г-н Шнеерсон и его совесть. Остальные участники данного невидимого документа убили бы его автора, зная что они в нем значатся.

Проведя очередную сверку, Иван Иванович повез г-жу Шнеерсон в Милан. Причем не как обычно на распродажу, а прямо-таки в сезон.

Заходит наша семейная пара в модный бутик. Ольга Сер-

геевна налегке, а Иван Иванович на изрядном «тяжеляке». Его давят бесконечные пакеты и страх окончательной суммы.

– Я сумку, и всё.

Сумку выбрали быстро. Иван Иванович протянул карту и паспорт для оформления Tax free.

Русскоязычный продавец покопался в компьютере и отрубил г-ну Шнеерсону голову:

– Ну как вам покупки, которые вы сделали в сентябре? Всё понравилось?

Голова Ивана Ивановича покатилась из магазина, но на ее месте, к несчастью, выросла новая, и прямо на нее смотрели красные бесчувственные окуляры Терминатора Т-800 по имени Ольга Сергеевна.

– А я не знала, что ты был в Милане в сентябре!

Иван Иванович проглотил утюг, пакеты стали в десять раз тяжелее, мозг отчаянно пытался найти выход. Выход был найден в молчании, прерванном вопросом Т-800 продавцу:

– Вы ничего не путаете?

Г-н Шнеерсон читал про йогов, передачу мыслей, и вообще, смотрел «Матрицу», как там граф Калиостро ложки гнул. Он собрал все свои извилины в копье и метнул его в мозг продавцу. Оно со свистом пролетело в пустой голове исполнительного товарища, который сдал Ивана Ивановича со всеми органами:

– Нет, нет, у нас же система. Вот, был 16 сентября, купил

две женские сумки.

Утюг в животе заботливого любовника начал медленно, но верно нагреваться.

– Какая прелесть! Если я не ошибаюсь, в сентябре ты летал с партнерами в Осло.

Изнутри г-на Шнеерсона запахло жареным. Как, впрочем, и снаружи.

– Хотел сделать тебе сюрприз и заехал, пока были распродажи, чтобы купить подарки на Новый год тебе и Сереже (сын). Ну и стыдно стало, что экономлю, не стал рассказывать.

Смотреть на Ивана Ивановича было очень больно. Он из последних сил играл человека, стыдящегося своей жадности. В сентябре он и правда был в Милане, и правда из жадности. Одна из его пассий была выгуляна по бутикам, так как в балансе г-на Шнеерсона на ее имени значился zero.

– Ванечка, как трогательно, что ты настолько заранее озаботился.

Иван Иванович выдохнул. Ольга Сергеевна вдохнула:

– У меня только один вопрос, а зачем Сереже на Новый год женская сумка?

Остывающий утюг вновь раскалился.

– Я ее Оле купил (девушка сына).

– Ты же ее ненавидишь. И где они сейчас, эти щедрые подарки?

– В офисе, и, кстати, это, конечно, только один из подар-

ков. Просто безделушка.

Счет Ивана Ивановича был большой, но очень чувствительный. Как и сердце. Оба в этот момент расчувствовались.

– Ванечка, Новый год в этом году для тебя настает сразу как мы вернемся, практически в Аэропорту. Чего ждать? Молодой человек, а покажите, пожалуйста, какие именно сумки купил мой муж.

– Одной уже нет, а вторая вот. Последняя, кстати, – пуштоголовый продавец продолжил сотрудничать с полицией и указал на какой-то зеленоватый кошмар.

– А такую сумку ты кому купил, мне или Оле? – спросил Терминатор, внимательно изучая болотного цвета изделие.

Сумка была не только бездарна, но, как говорят, чуть менее чем самая дешевая в данном магазине. Именно сумки Иван Иванович купил тогда сам, как бы сюрпризом, пока его временное развлечение грабило Габану.

– Оле, – прожевал (проямлил) Иван Иванович.

– Хорошего ты мнения о ее вкусе, интересно, что ты мне купил. Спасибо, пойдем.

Из Милана семейная пара должна была поехать во Флоренцию и потом домой в Петербург. Ивану Ивановичу вживили чип и посадили на цепь сразу при выходе из бутика.

Он вырвался только в туалет, набрал помощницу и сказал срочно позвонить в бутик, визитку он взял, найти идиота продавца, отложить чертову зеленую сумку, прилететь в Милан, купить ее и еще одну на выбор помощницы, но подо-

роже, снять все бирки и чеки, срочно вернуться и положить всё это ему в шкаф в офисе.

Ошалевшая помощница видела и слышала всякое, но такое несоответствие мышиноного писка своего шефа и сути вопроса она понять не могла. Тем не менее утром следующего дня рванула в Милан и исполнила все указания.

28 ноября, в Новый год, Иван Иванович вручил своей жене темно-синюю сумку, внутри которой лежали серьги с сапфирами. Большими незапланированными сапфирами. Также он передал Сереже сумку для Оли и конверт самому сыну. Ольга Сергеевна еще раз внимательно посмотрела на безвкусный подарок Оле и скептически покачала головой.

Вечером Т-800 примерил серьги.

– Дорого?

– Ну да... – взгрустнул Иван Иванович.

– За всё, Ванечка, нужно платить, особенно за доброе сердце... пороки и слабости. Хотя не могу не оценить твою находчивость и оперативность. Знаешь, я тобой просто восхищаюсь. Ведь можешь, когда хочешь, все очень быстро решить.

Утюг начал оживать, слюна застряла в горле, так как Иван Иванович боялся ее слишком громко проглотить. Он не понимал одного. Кто же его предал...

– Думаешь, кто тебя сдал? Не переживай. Ну не бывает двух зеленых сумок с абсолютно одинаковыми царапинами. Прости, не бывает, – сказала с доброй улыбкой умная жен-

щина.

Восхищению и раскаянью Ивана Ивановича не было предела.

А вот другая история, казалось бы только имена изменены, да детали некоторые... но... хотя давайте сначала ее расскажем.

Это будет не трудно

Петр Петрович решил секвестировать бюджет на секс. Не потому, что деньги стали кончаться, а за компанию и из-за появившегося внутреннего оправдания. Кризис. Если бы его не было, его стоило бы придумать. В тучные годы жадность – это порок, а в нынешние – добродетель. Главное – научиться верить в то, что кризис есть. Вот лежало у тебя в микро-волновке сто миллионов долларов на черный день. Ударил по ним серпом геополитический интерес. Осталось пятьдесят. Разумеется, нужно снизить зарплату водителя, отказать жене в сумке и сыну в самокате. Именно такие шаги спасут ваше состояние. Здесь чупа-чупс не купил, там чаевые зажал, глядишь, миллионов двадцать и наскоблил. Конечно, все это возможно, если научиться технике мгновенной скорби. Это искусство. Моментальное преображение в отца двухсот детей, потерявшего работу. Два урока данной техники, и вы можете перестать выплачивать дивиденды, сокращать персонал, отменять корпоративы и вообще тратить деньги на близких вам людей.

Так вот Петр Петрович Шмуэль месяц потренировался и решил наконец избавиться от очередной содержанки. Она ему обходилась в триста тысяч рублей в месяц плюс транспортные расходы и талончики на питание. Г-н Шмуэль разделил все расходы на количество минут секса в месяц и по-

лучил сумму, которая его очень раздосадовала. Он вдруг понял, что зарабатывает в минуту меньше. Потрясающим открытием он поделился с друзьями. Те разумно предложили увеличить количество минут. Наш математик потратился на магические таблетки и чуть не сдох прямо в момент исправления финансовой отчетности по своему сексуальному активу. Угрюмый Петр Петрович не знал, что делать, – и тут этот кризис. Коммерсант овладел упомянутой выше техникой мгновенной скорби и поехал соскакивать с крючка.

Встречу назначил не в уютном скворечнике, а в самом что ни на есть публичном месте. Он разумно считал, что ни до, ни после секса такой разговор вести не солидно.

Речь жертвы кризиса была хорошо подготовлена. Он долго распространялся на тему незащитности российского предпринимателя перед лицом кровавой американской военщины, пытался открыть компьютер, чтобы все доказать, постепенно начал вести разговор к неспособности в таком напряжении дать Свете все, чего она заслуживает, но был вовремя остановлен.

– Петь, ты что хочешь, чтобы мы расстались?..

– Я не хочу, я этого не хочу больше всего на свете, но... Тяжело говорить, но кризис по мне сильно ударил, что я ну... В общем, у меня такие долги, что я не очень сейчас себе могу позволить такую роскошь, как личная жизнь.

Петр Петрович должен был своему водителю за кефир. Это всё.

– Так все плохо? Совсем-совсем денег нет?

– Совсем...

– Как же так... Ну Петенька, ну хочешь, отдашь когда сможешь, ну через месяц, я кое-что накопила...

– Да тут одним месяцем не обойдешься... А я, знаешь, слишком хорошо к тебе отношусь, чтобы эксплуатировать.

– Ты меня не эксплуатируешь. Ну просто если бы ты хоть раз сказал, что у тебя ко мне что-то, кроме постели, я бы вообще никогда вопрос денег не поднимала. Я все-таки не совсем еще сука.

Где-то внутри Петра Петровича сработала сигнализация. Минное поле! Надеть каску! Срочно покинуть помещение! Но жадность, как всегда, победила. Зародившаяся в недрах второго подбородка мысль о возможной халяве начала свербить и требовала уважения.

– Ну вообще-то у меня к тебе не просто секс... Ты что... Ну разве не видно по мне. Я к тебе очень привязался. И вообще, можно сказать, влюблен, так что мне, если честно, очень тяжело будет расставаться. Очень...

Петр Петрович вновь применил технику мгновенной скорби.

Светины глаза заслезились.

– Правда... Я думала, тебе вообще наплевать на меня. Петечка, ну конечно, если все искренне, то давай вместе подумаем, как выйти из ситуации. Может, работу мне найдем, я готова переехать в более дешевую квартиру, да и вообще,

хочешь, в Сочи поедem летом.

Петр Петрович терзался, с одной стороны, он понимал, что по итогу какие-то расходы останутся, но сам факт отжати партнера по цене приводил его к своеобразному оргазму.

– Ты меня сейчас так расторгала... Я уж и не верил, что такие девушки остались. Плохо я о людях думаю – по себе сужу... Ну давай попробуем, я за несколько дней пойму, что там у меня получается, и решим, а в Сочи не сильно дешевле, кстати. Так что, я тут, на Истре, гостиницу присмотрел, поедem туда на недельку, когда я своих отправлю на... дачу под... под Владимиром.

Петр Петрович чуть не прокололся, своих он как всегда собирался отправить на дачу под Биарицем, но в данных обстоятельствах такое признание сломало бы всю стратегию переговоров.

– Я готова и на Истру. Я с тобой почти везде готова.

Петр Петрович ощутил себя настоящим Талейраном.

Вечером он решил закрепить на позициях и написал в «Вотсапе»:

– Светочкин, я правда очень-очень хочу, чтобы мы были вместе. Спасибо тебе за чуткость. Я надеюсь, скоро все образуется и эти сложные времена мы пройдем вместе.

Ответ пришел незамедлительно.

– Котик, если бы я раньше знала, что ты правда хочешь быть со мной, мы давно так и поступили, мне самой было очень неудобно и противно.

– А я стеснялся тебе сказать, думал, посмеешься над старым, лысым дедушкой.

– Ты не старый и очень милый. Жаль, мы с тобой не встретились раньше. А то бы сейчас вместе ездили на дачу во Владимире.

Петр Петрович как раз был доволен, что не встретил Свету раньше и не сел в тюрьму за совращение малолетних.

На следующий день Петр Петрович пожал то, что посеял.

– Петя, у меня есть два вопроса. Кто такая Света, и зачем тебе, сука, дача во Владимире. Зачем тебе вообще дача в России, ты ударился в патриотизм?

Жена Петра Петровича задала вопрос голосом, не оставляющим никаких других интерпретаций, кроме тотального кошмара. Было ясно, что речь идет не об абстрактной Свете.

Петр Петрович набрал в рот Тихий океан.

– Ладно, черт с ней, с дачей, меня волнует эта курица Света. Я обычно закрываю глаза на твои попытки молодиться, но это уже перебор. Может объяснишь мне, почему я сегодня получила эту петицию. Юлия Викторовна прочла со своего телефона.

– «Ваш муж любит меня, а не вас. У нас все серьезно, если вы женщина...», написано, Петенька, через «Ч», «... дайте нам быть счастливыми», написано, как ты понимаешь, через «Щ». «Отпустите его. Зачем вам муж, который любит другую». И правда, Петь, зачем?

Тихий океан испарился, оставив во рту Петра Петровича

пустыню Сахару. Тем не менее он попытался соскочить.

– Я вообще не знаю, о ком ты говоришь, это какая-то ошибка!

Юлия Викторовна снизила голос до скрежета.

– Я тоже надеюсь, что это какая-то ошибка. Ты даже себе не представляешь, как я надеюсь. Потому что, если ты любишь Свету и у тебя есть дача во Владимире, то Света и дача во Владимире – это все, что у тебя останется после нашего развода, – процентов семьдесят богатств Петра Петровича было спрятано через жену. – Но вот в чем дело, у меня принтскрины твоих сообщений, из которых следует, что ты, козел старый, любишь Свету и у тебя есть дача во Владимире. Показать?

– Не надо. Я соврал!

Лязгнул фальцетом рот экономного мужа. Петр Петрович немедленно бы получил первый дан по искусству внезапной скорби, но сейчас все было честно. Ответ был ледяным.

– Разумеется, ты соврал. Я хочу знать, кому именно.

– Ей. У меня нет дачи во Владимире, у меня нет к ней никаких чувств, я хотел сэкономить и получить... – Петр Петрович думал, что не решится произнести эту фразу, но справился: – ... получить секс бесплатно за любовь! Сказал, что разорен, придумал про дачу! Мне очень стыдно, очень!

– Перед кем?

– Перед всеми стыдно.

Он почти выл.

Наступила тишина. Петр Петрович молчал, потому что думать не мог. Юлия Викторовна молчала, потому что думала.

– Пять карат.

Петр Петрович чуть не взорвался. Он не имел ничего общего с бриллиантами, но знал, что это очень много. На эти деньги можно было бы содержать целый гарем в течение долгого времени. Он хотел было начать по привычке торговаться, но понял, что если когда-либо торг и был не уместен, то именно сейчас.

– Хорошо.

Как паста из тюбика выдавились слова:

– В каждое ухо и на палец.

Юлия Викторовна хорошо знала советское кино.

– Петя, я очень, очень, очень не люблю жадных мужчин. Будем выжигать. А то мне за тебя стыдно. Перед Светами.

Она уже почти вышла из комнаты, но вдруг остановилась, просияла и добавила:

– Слушай, Петь, а давай и правда купим здесь дачу, хорошая мысль тебе в голову пришла. Но не под Владимиром, а дорого, на Новой Риге. Точно. Завтра займусь.

Петр Петрович начал стирать из телефонной книги все женские имена.

Окно

Иногда так ошибешься в человеке, что потом еще долго приходишь в себя. Интересное, кстати, выражение, задумался однажды противоположно ли оно по смыслу фразе: «выйти из себя». Так или иначе – поколебал тот случай мою бесконечную уверенность в способности разбираться в людях.

Но по порядку. У этой истории даже имеется пролог, чуть ли не длиннее самого повествования.

Самые счастливые люди встречались мне на вокзале. Они вскакивают в последний вагон «Сапсана» за миллисекунду до отправления. Чаще всего у них одышка, дрожь в коленках, пот фонтаном и выражение абсолютного умиротворения на лице.

Даже самые отъявленные аристократы, если их никто не видит, как зайцы скачут по вокзалу, когда опаздывают на поезд. Смотришь, вроде человек, а на самом деле заяц с чемоданом, чаще – с двумя. В момент прыжков он обещает себе: 1) пойти на спорт; 2) всегда выходить заранее; 3) купить ботинки поудобнее.

Но это все в будущем. А сейчас он бежит изо всех своих скудных сил и когда успевает, то нет его счастливее. Даже если цель поездки – развод, похороны, увольнение или теща. Оргазм вбежавшего в последний вагон.

Итак, я именно в этом состоянии. Отхрипевшись на борт-

проводницу, я поплелся в свой вагон. Прихожу. Рядом со мной сидит парнишка лет восьми-девяти. Как только я обозначил свое присутствие, его бабушка обозначила свое, одновременно спросив и приказав:

– Молодой человек, вы не возражаете, если мы с дочерью посидим рядом, поговорим? А вы на мое место садитесь, пожалуйста. Спасибо.

Пассажирка закончила со мной и дала распоряжения внуку.

– Митя, води себя тихо, дяде не мешай, слушай книжку. Нам с мамой поговорить надо.

Я был готов ехать даже стоя, поэтому оккупацию своего места не заметил бы в любом случае, и, разумеется, согласился. Бабушка мне не понравилась. Она мне напомнила фильм «Пятый элемент», в котором чудище натянуло на демоническую голову благообразное человеческое лицо. Глаза все равно выдавали мерзость, а кожа ходила ходуном. Женщина была объемная, с мощными руками, шеей – ошибкой скульптора и мелкими глазами за мелкими очками. Мне в какой-то момент показалось, что у нее раздвоенный язык и третье веко. Никакая она не бабушка. Бабка. Не хотел бы я оказаться на месте Мити или Митиной мамы. В последствии я понял, что они со мной согласны.

Митина мама сидела у окна с потухшим лицом и сцепленными руками. Куцая, худенькая, какая-то заброшенная и безжизненная. Мне показалось, в ее глазах была мольба

не соглашаться, когда бабка со мной договаривалась. Повторюсь, реально никто со мной не договаривался, просто известили. Вежливо. Как хороший палач.

Итак, мы расселись. Через минут пять я понял, что за важный разговор. Бабка при рождении проглотила рупор и как бы я ни хотел избавить себя от ее болтовни, все равно погрузился в семейные проблемы моих соседей.

Митиного папу хаяли. С беспощадной любовью настоящей тещи. Исходя из слов бабки-змеи, ее зять был убийцей Леннона, Графом Дракулой, Шариковым и футболистом сборной России в одном лице. Ничтожество и монстр, бабник и социопат, ужасный, равнодушный отец и в то же время плохо влияющий на Митю (так как слишком сильно его любит своей паскудной любовью). Мало зарабатывающий, но слишком много работающий. Я бы хотел таким родиться. Абсолютно все недостатки собрались в одном человеке. Жалкие возражения дочери глушили динамитом.

– Что ты о мужиках знаешь?! Я вон сразу поняла, что твой отец скотина, а то бы так и жила с ним.

– Давай о папе или хорошо, или никак. Мам, я прошу тебя.

– Нет уж, пусть и там все слышит!

Думаю, несчастный мужик отправился в мир иной именно по причине бабкиного замечательного характера. Наслушался, так сказать. Но это всегда наш собственный выбор. Всегда.

Митя в какой-то момент снял наушники и тоже прислу-

шался к разговору. Ему было больно. Он пронзительно смотрел на меня, как бы пытаясь сказать: «Это все не так». Но не решался. Кроме этого, паренек был простужен и периодически чихал. После каждого чиха бабка вставляла свое, с позволения сказать, лицо в проем между креслами и с удовлетворением маньяка в анатомичке чавкала: «Вот, правду говорю», – и продолжала свой выпуск программы «Пусть говорят». Митя сдерживался, чихал внутрь себя, но иногда звук вырывался, и вновь жаба светилась радостью, легитимизируя наброс волею высших сил. Митя видел в своем чихании какое-то предательство отца, он после каждого появления бабки взглядом извинялся передо мной, мол: «Не правду говорит, не правду!»

Каждый безголосый крик сокращал жизнь будущего взрослого Мити, выжигал ему сердце, делал неврастеником, иссушал душу, а вот бабка, уверен, прибавляла еще год к своему очень полезному земному существованию. В какой-то момент мальчик усилием воли справился с рефлексом и затих. Бабка пару раз взглянула в щель крысиными глазками, проверяя, где застряла ее эзотерическая поддержка, но огнем не выключила.

И тут я тоже вдруг захотел чихнуть. Не знаю, что со мной произошло. Может, аллергия, может, за компанию, но я начал набирать в легкие воздух, морщить лицо, характерно моргать, практически выстрелил и... увидел Митино лицо. Он умолял не делать этого, не участвовать в травле его от-

ца, себя сдержать он-то смог, а меня-то как?! В его глазах застыла беспомощность и какая-то безнадежность. Весь мир был против маленького мальчика. Я понял, что если подставлю паренька, то не прощу себя. Никогда я еще не замораживал воздух внутри носоглотки. Мне казалось я сейчас лопну, неразорвавшийся снаряд крутился волчком у меня голове, и я ждал, когда мозги разлетятся по вагону. Глаза вылезли из орбит, но мальчик так их гипнотизировал, что вдруг все прошло. Я расслабился. Мы оба улыбнулись. Мы ее победили. Не будет ей поддержки! Наша взяла!

И тут какая-то сука слева чихнула.

Старуха чуть ли не заорала: «Правду говорю». Я и Митя – оба стали искать подонка, но он затихарился и больше не издавал ни звука. И правильно. Убил бы.

Через некоторое время мокрая от слез дочка/мама пошла в туалет. Она с тоской посмотрела на Митю, но не стала брать его с собой. Мальчуган заплакал. Завыл, точнее. Тихо так заскулил, чтобы бабушка не услышала, наверное. Мне показалось, что слезы прожгут его сиденье.

Я сидел с комком в горле. В голове стучало: «Что же ты делаешь, сволочь, что же ты делаешь...» Вспомнилось, что один раз уже повторял эти слова.

Не помню, какой год. Я радостно живу на Караванной под самой крышей. Эх, было хорошо. Караванная. Крыша...

Еда квартиру не любила, и поэтому я периодически спускался в окружные шалманы с целью добычи мамонта. В со-

седнем доме располагался паб, и там я регулярно убеждал себя в полезности для моего здоровья пива с сосисками.

Кабачок невеликий, завсегдатаи узнавали друг друга в лицо и вскоре я познакомился с Бинго. Бинго получил свое прозвище за то, что постоянно говорил: «Бинго». Даже когда ему приносили 0,5. Если честно, я забыл, как его звали в реальности. Да это и не важно. Он был выше меня, уже в плечах и шире в мыслях. Бинго рассуждал столетиями. Как-то мы пили в рюмочной на Пушкинской:

– Вот меня интересует, Пушкину сейчас важно, что он наше всё, или нет? Нет, ну правда, вот он там сидит бухает с Дантесом.

– Почему с Дантесом?

– Ну а с кем еще ему бухать? Не с женой же. Дантес о нем всю жизнь думал, самые близкие люди, если не брать в расчет дуэль, но кто старое помянет?..

– Разумно.

– Так вот, бухает он с Дантесом, и тут им новости от нас утренние, мол, Пушкин супермен, а Дантес скотина. Мне вот любопытно, это имеет для них какое-то значение, или нет?

– Прости, а почему ты так паришься из-за этого?

– А ты не догоняешь?

– Нет.

– Это же сильно упрощает мою жизнь. Если Пушкину там все равно, то мне уж давно можно не напрягаться в попытках оставить след.

Бинго залпом убрал очередную сотку. Я воздержался. Мне стало вдруг неуютно от этой темы.

– А ты хочешь оставить след?

– Я начал об этом задумываться.

– Давно?

– С утра.

– Тяжелое утро было?

– Утро легкое, только если ты зря живешь. У нормально-го человека утро должно быть тяжелым. Да нет, утро было обычное. Деда тут встретил. Хочу комнату свою сдать, вот он меня и грузанул.

Я удивился. Бинго жил в отличной двухкомнатной квартире в соседнем со мной дворе. Она ему досталась от бабушки, и для двадцатипятилетнего историка, рухнувшего в менеджеры какой-то бессмысленной конторы, такая жилплощадь должна быть пределом мечтаний.

– В смысле, свою квартиру сдать?

– Нет, есть маза именно сдать комнату.

– Чтобы с тобой кто-то жил? На хрена?

– Да ты понимаешь, тут какое дело, иду я домой, а во дворе дед гуляет. Приличный такой, в пиджаке, очках и с палочкой. Видит меня и спрашивает: «Молодой человек, вы не в курсе, здесь никто квартиру не сдает во дворе?» Я сначала мимо ушей пропустил, а потом решил, дай разузнаю что к чему. Подумал, может сдам свою хату, но выяснилось, что деду квартира нужна на несколько часов днем. Ну женат он,

я так понял, завел зазнобу. Судя по всему, отель дорого, а квартирка моя в самый раз.

– Так и сказал?

– Ну я спросил: «Из-за бабы?» Он говорит: «Да». Вроде как она тут рядом бывает, и так всем удобнее. Просил не болтать.

– Ты не болтаешь, как я погляжу.

– Ой, да хорош тут мне дворянина включать, кроме тебя, никто не знает. Вот всем интересно, с кем там у деда роман. Короче, подумал я, а чего мне комнату-то не сдать днем, и деньги не лишние, и деда осчастливлю. С работы успею свалить еще. Мы с ним так умеренно выпили, все обсудили, как говорит наш начальник, «вин-вин ситуэйшн».

– А почему в итоге ты про след-то заговорил?

Бинго нахмурился, как будто я ему напомнил о зубном.

– Да мы с дедом разболтались у меня на кухне, когда квартиру показывал. Он какой-то ученый советский. Все разумеется накрылось, но где-то есть завод, на котором что-то работает, что он придумал. И я так понял, хреновина эта переживает и деда, и нас с тобой, потому что, разумеется, с тех пор ничего не поменялось на заводе. Так он гордится, что, помимо детей, оставил след. А я что оставляю? Ну хорошо, если детей, а в остальном, судя по нынешней ситуации, след будет, как от укуса комара: краткосрочный, но раздражающий. И тут мне показалось: выход есть. Если на том свете мне след не нужен будет, то на этом я как-нибудь с собой

договорюсь. А вот если выяснится, что мне и там этот дед с вопросами своими неприятными являться будет, то как задним числом след нарулить? Поэтому я и напрягаюсь с утра. Завтра, думаю, работу по этой причине пропустить.

Я сразу решил, что не надо мне с таким дедом встречаться. Очень вредный для спокойной жизни человек. Тем не менее однажды пересеклись. Эти минуты я запомнил на всю жизнь.

Как вы понимаете, Бинго сдал распутному дедушке одну из своих комнат. Борис Сергеевич устраивал любовь раза два-три в неделю, чаще всего в одно и то же время. Предупреждал заранее о визите и оставлял после себя идеальный порядок. Нам даже как-то становилось стыдно за собственную расхлябанность и бардачность. Присутствие деда мы опознавали по вымытым чашкам, иногда бокалу, какой-то новой еде в холодильнике и открытым занавескам на кухне. Более всего нам хотелось выяснить, кто-же его избранница. Ну как так?! Палочка, очки и три раза в неделю. До подглядывания опуститься мы не посмели, но судьба решила все сама.

Борис Сергеевич был до предела педантичен и если предупреждал, что покинет обитель в шесть, то в шесть ноль одну можно было заходить в пустую квартиру. Мы с Бинго на теме следов в истории очень подружились и все чаще заменяли паб либо его, либо моей кухней. И вот как-то, условно в шесть тридцать, идем мы к нему в квартиру, зная, что де-

душка полчаса как должен уехать. С нами в парадную заходит миловидная женщина лет тридцати, обычная такая, не описать иначе, кроме как прохожая. Поднимаемся по лестнице и выясняется, что мы в одну квартиру. Сцена немее не придумаешь.

Мы тут же начали нагло изучать объект любви нашего жильца. Нет, ну прям хороша. И главное – никаких стеснений. Лицо даже не изменилось, когда мы встали у одной двери. Мы уже хотели как-то свалить, ну мало ли ошибся со временем Ромео, но не успели. Дверь открылась. Борис Сергеевич был в расстегнутой рубашке, бледен и измучен.

– Верочка, спасибо что приехала. Мальчики, простите, что задержался. Сейчас мне укол сделают, и я уйду. Извините, нехорошо стало. Да вы проходите в кухню.

Борис Сергеевич был один. Только стакан воды на столе.

– Борис Сергеевич, убьет это вас когда-нибудь. Ну я же вам уже сто раз говорила, так нельзя. Старый вы для таких волнений.

Мы тоже подумали, что как-то не очень изобретатель выглядит. Пора заканчивать с любовью. И тут же решили сами отжигать, пока вот такая с иглой не придет с того света вытаскивать.

Вера достала какие-то таблетки, штуку для измерения давления, шприц и увела деда в спальню. Вскоре они вернулись.

– Борис Сергеевич, всё. Хватит. Запрещаю как врач и как

друг. Умрете прямо здесь, сгорите, а вы ей еще нужны, как-нибудь все образуется.

Борис Сергеевич опустил голову.

– Ну дай я последний раз, и пойду...

Он подошел к окну, стоял без движения минут пять, смотрел куда-то во двор, хотя я не очень понимал, что там такого интересного.

Я тихо спросил Веру:

– Куда он смотрит?

– Можно я расскажу, Борис Сергеевич?

Дед посмотрел на нас печально-счастливыми глазами и разрешил:

– Да теперь уж можно, все равно уезжаю.

– Внучка там его гуляет. У вас детский сад во дворике. Вот он и приезжает на нее смотреть. Родители так развелись, что их с бабушкой к внучке не пускают, только с судебными приставами, и каждый раз мамаша придумывает, как все сорвать. Вот он и ездит сюда все время. Сидит часами, и смотрит, и смотрит...

Я никогда не слышал до этого, как стучит мое собственное сердце. Стучит в каждом капилляре. И стыд... Такой тупой сверлящий стыд. Я не выдержал:

– Борис Сергеевич... Зачем же... Это же... Это же так больно...

Борис Сергеевич взглянул в окно еще раз, надел пиджак, посмотрел на нас тепло и изменил мой мир:

– Как вас зовут?

– Саша.

– Больно, Саша, в пустое окно смотреть, а в это просто тяжело. До свидания, ребята. Верочка, давайте до метро вместе дойдем.

Борис Сергеевич вышел из квартиры и больше не возвращался.

Бинго долго молчал, а потом сказал то, что жило в моей голове: «Что же вы делаете, сволочи, что же вы делаете...» Каждый раз, проходя этот двор, я смотрю на окно. Мне кажется, оно выгорело, как волосы у маленьких детей, бегающих летом под солнцем. Они не знают, откуда тепло. Да им и не важно. Тепло, и хорошо.

Ну а солнце... Солнце рано или поздно сгорит, пытаюсь нас согреть.

Черная зависть

(О любви. Порнографично в меру)

Пролог

Недавно я был в бане. Общей. Помимо завсегдатаев, в этот раз прибыла группа иностранцев с целью экскурсии «до национального колориту». Они вошли в парную, как в музей, улеглись на самый верх и стали ждать, как мне кажется, мыльного массажа и happy-ending. Банные «демпеля» посмотрели на «салаг» с сочувствием и ехидством. Последним зашел маэстро с опахалом.

– Ну что, мужчины, погреемся?

– Николай Петрович, у нас тут санкционный товар неожиданно в парной обнаружился. Что делать будем?

Все засмеялись, громче всех смеялся хор санкционного товара, так как русского языка не понимал. Меньше всех – «экскурсовод».

– Ну как что, сожжем к ебням.

В бане я редкий гость, стою тихонечко внизу и до реального жара не доживаю, но тут решил продержаться.

Пар пошел, Николай Петрович начал отжигать в прямом смысле этого слова. Опахало разгоняло горячий воздух и даже внизу становилось практически невыносимо. Через минут пять-семь начали раздаваться полуистеричные реплики.

– Петрович, жги! Баня для русских! Янки гоу хоум.

– Холодно что-то, поддай!

Первый иностранец не вытерпел и с какими-то проклятиями на испанском вылетел из парной. Трое оставшихся держались. Наши тоже постепенно сдавались.

– Сдохнешь тут с этими санкциями, – с этими словами из «медного быка» вылез пухлый мужчина с затылком профессора. Вскоре наверху остался один иностранец и горстка бывалых. Наши отчаянно вопили:

– Дождем пармезан!

Я практически лег на пол, но терпел. Из любопытства. Рядом со мной вжался в доски «экскурсовод».

– Помрет же сейчас...

Он не выдержал и взмолился:

– Я вас очень прошу, предлагаю ничью, убьем парня – меня ж посадят.

– Ну что – ничья?!

Крепкий, сука, ну ладно, дадим гражданство, если что. Ничья!

Испанец стек в душевую, но лицо его светилось счастьем. «Дембеля» жали ему руку и стыдили остальных. Никто ничего не понимал, но было весело и интернационально.

Я гордился теми и другими, думал о простоте международных отношений и вспомнил неоправданно забытую уморительную историю из девяностых о «негре» в бане. Заранее прошу прощения, в данном произведении «негр» используется как исторический эвфемизм и цитата. Обиженные мо-

гут назвать меня «снежком». А так, разумеется, мы говорим об афроамериканцах, но в 94 году мы этих слов не знали, и их точно не знали основные герои рассказа.

Переходим к основной части этой предельно романтической истории.

Девяностые. Еще недавно американцев мы видели только по телевизору, затем они стали присылать нам гуманитарную помощь и наконец приехали сами. Авантюристы, туристы, экономисты, представители бесконечных фондов и, разумеется, студенты по обмену. Уже сейчас я понимаю, что даже студенты были авантюристами, иначе как объяснить столь необдуманный поступок молодого человека из благополучной страны. В Америке, как мы знаем, есть не только белокожие, но и их антиподы, которые тоже решили попробовать Россию на вкус.

С одним меня свела студенческая судьба. Звали его по нынешним временам эпически – Карл.

Карл, его звали Карл. Карл! Карл!

Тогда его имя вызывало другие ассоциации. Он никак не мог понять, почему его все спрашивают про кораллы, а один из нашей тусы даже попытался перевести скороговорку на английский. Венцом каждой вечеринки с участием Карла было чтение им знакомого всем с детства речитатива.

Мы пили спирт Рояль с вареньем и ухохатывались над дутыми губами, пытающимися произнести заветную Клару и

Со.

Я хорошо запомнил Карла. Некоторое время мы переписывались, и каждый раз, заходя в бургерную Carl's Junior, я думал, что надо бы узнать, как там мой загорелый друг.

Карл был американец, по-моему, из Сиэтла, приехал по обмену чуть ли не в Кулек (Институт Культуры), сейчас не вспомню уже. Был щеделушен и стеснителен. В какой-то несуразной одежде, с грустными глазами и веселыми скулами. Черный как ночное море, то есть с чуть заметным отблеском.

Виделись мы нечасто, он был из другого ВУЗа, и пересекались только на квартирных тусовках. Тем не менее я как большой международник показал парню музей и однажды позвал в баню.

Меня самого туда пригласили, скажем так, спортивного вида товарищи. Они предупредили, что баня общая и будут также дружественные представители организованной преступности, которые тоже любят народные традиции.

Прибыли вдвоем в самый разгар мытья. Встретили нас сначала тишиной, а потом дружной сатирой уровня школьных анекдотов:

– Саня с рубероидом пришел, а крыша у нас вроде не течет, да, Серега? – рука Сереги была размером с пол Карла.

– Свет не выключайте, проебем негра. Как его найдешь в темноте.

– Не мог негритянку братве подогнать?!

– Сейчас мы его отмоем наконец!

– Он по-русски понимает, – предотвращая разгул фантазии, порадовал я общественность.

– И мы понимаем, так что пусть не ссыт. Hello Africa! Sit down. Пусть пожрет хоть нормально, доходяга. Голодаем, недоедаем? Слышали!

– Я из Америка, спасибо.

– Охренеть! И правда говорит!

– У него папа врач, между прочим.

– Да ладно, мы шутим, дружба народов, все дела, пойдем париться.

В парной дословно повторилась сцена из московской бани, разве что вместо опахала раскручивали простыню, да шутки про Карла были пожестче, но не обидные. Американец держался молодцом и вскоре все вывалили в душевую. Карл снял простыню в ожидании своей очереди и создал вокруг себя вакуум. Голого Карла мы до этого не видели. Увидели.

Тишина была пронзительной. Грубо говоря, если сложить все, что у нас было, получилось бы то, что имел Карл. Вы помните руку Сереги? Ну вот немногим меньше. Общественность взидала на достоинство с достоинством.

– Нда... – разрезал воздух самый возрастной товарищ. В этом «нда» можно было услышать столько оттенков, что хватило бы на отдельный рассказ. – Хорошо, что я это только в старости увидел.

– Саня... А ты на хуя его привел? – с тоской, переходящей

в «предъяву», спросил Серега.

Карл, вероятно, не первый раз был в такой ситуации и даже вроде бы покраснел, по крайней мере, белками глаз. Красные глаза. Тщедушный Карл. ОН. Суровые мужчины. Тишина, непробиваемая даже журчанием воды в душевых.

Неожиданно ситуацию разрядил еще пока счастливый человек, выливший на себя ведро ледяной воды и вбежавший в душевую с гиканьем:

– Э-э-э-эх, водичка, аж мозги съежились, х... бы свой найти!

Этого вакуум не выдержал. Смех разорвал в клочья баню и ближайшие здания. Ничего не понимал лишь Карл и тот, кто, как ослик Иа, потерял свой хуй. Но и он скоро догнал. Затем начал смеяться Карл. Смех – это все-таки высший Божий дар. Он нас мирит со всем и со всеми. Последний рубеж.

Но вернемся в реальность.

Вечером я понял, что мужчины не меньшие сплетники, чем женщины. Знакомых мне парней в бане было пятеро. Девушек троих из них я знал. Все трое позвонили мне с однотипным текстом.

– Саш, я все знаю про Карла (звучало, как будто Карл гейнопланетянин), моя подруга **ОЧЕНЬ** хочет пригласить его на свидание. Я тебе больше скажу, мы все хотим, чтобы она его пригласила на свидание (я уже полгода безрезультатно обхаживал эту подругу, мне было очень обидно).

Итого, через час три красивые девушки были готовы при-

быть безотлагательно.

Сергея позвонил сам:

– Слушай, там этот твой друг со шлангом может к нам приехать, мы девчонок вызовем, любых, в смысле любого цвета, но привези его, не отрежем, пусть не очкует! Вези, блять!

От пятого сигнала не было. Оно и понятно.

Я приехал в общагу к Карлу и обрисовал перспективы грядущего разгула. Очень хотелось погреться в лучах славы. Работа на контрасте меня не смущала.

Грустные глаза моего друга терзались. Видна была внутренняя борьба. Он встал, веселые скулы осунулись, дутые губы терлись друг о друга. Я не мог понять, в чем дело.

Не буду утруждать английский. Оказалось вот что – у Карла была девушка. Он ее любил. Будучи совершенно нормальным мужиком, Карл изводился от соблазна, но...

– Сука твой Карл, эгоист и придурок. Два раза нас с дерьмом смешал. Физически и теперь морально. И ты тоже мурак, на хера было всем трещать, что он мол верный. Сказал бы, не стоит! У всех отлегло бы, а ему по хуй. А теперь у нас только о Карле и разговоров, Ирка о нем всем рассказывает, и на меня при этом смотрит, как на дерьмо какое-то. Не приходи с ним больше, убью на хрен.

– Хорошо, Сергей. Прости, затупил...

– Эгоист и придурок. Так и передай.

В эгоизме Карла обвинили все. В эгоизме! Карл!

Р. S. Он мне прислал ее фотку. Маленькая счастливая китаянка. Серега кричал: «Как?!» и пытался изобразить соитие.

Через год китаянка его бросила. Серегу эта новость сделала счастливейшим из людей.

– А знаешь почему? Потому что эгоист и придурок, делиться надо с людьми. Его Бог наказал.

Серегина система ценностей пришла в норму. Он успокоился.

Управленческое. Эффективное

Вот всегда хорошо утром созвониться с приятелем.

Есть у него жена. Дома ее все боятся. От мужа и жалюзи до детей и комаров. Казни происходят бессистемно и непредсказуемо. Особенно регулярно рубят головы домработницы и водителя. Фрекенбок-джан вообще заходит в дом, только если хозяйка его покинула, а шофер плотно сидит на седативных препаратах. За лишние вопросы отрезают мизинцы, за недостаточно быструю реакцию на невысказанное пожелание королевны мизинцы пришивают обратно задом наперед.

По этой причине лишний раз никто ничего не спрашивает и процветает трусливая хозяйственная самостоятельность. Видит, к примеру, домработница, что дверь перекосило на 0,1 мм, она срочно вызывает МЧС, и все вместе они решают проблему. Лишь бы раньше, чем Сауронша заметит. Только чеки успевают оплачивать. Доверие полное. Расходов особо никто не считает. И вот подходит на днях к моему приятелю делегация из домработницы и ее жуткого страха.

— Мне кажется, новый обогреватель сломался окончательно. Два раза его в ремонт сдавала, и ничего...

— А что с ним случилось?

— Не греет. Из него вообще никакой воздух не идет, ни холодный ни горячий. Наверное, брак в вентиляторе какой-то. Эти все навороченные новые обогреватели, конечно, не надо

покупать. Только деньги тратить потом на ремонт.

– Ну давайте я посмотрю. А он где?

– Да я его пока в гардеробную поставила. Сергей (водитель) вчера занес вечером, говорит, все работает. А я включаю, и ничего...

– Ну пойдемте включим, может, там розетка сломалась.

В просторной гардеробной, как новогодняя елка светился измученный бесконечным ремонтом, но бесшумный от рождения ионизатор воздуха.

Р. S. Более всех порадовали водитель и дом быта. Им сказали чинить прибор. Они чинят. Уверен, еще пара итераций и ионизатор начал бы кипятить воду и сушить белье. А куда бы он делся? Жить все хотят.

И так в каждом втором бизнесе.

О демократии

Помню, в двухтысячных был у нас тренинг для персонала. Мутный маэстро в намеке на деловой костюм учил жить посредством нехитрого колдовства. Одним из цирковых номеров была игра в демократию. Если мне не изменяет память, по правилам, мы оказались на необитаемом острове и нужно было решить, остаться или свалить на плоту ... из песен и слоооов, всем моим бедам назлооо... ой, извините, замечтался.

Так вот, шестнадцать человек должны были принять демократичное решение, но по авторской модели голосования, преимущества которой доказывал тренер. Сначала нас разделили на четыре четверки и в них начались ожесточенные прения. Потом каждая четверка приходила к единому мнению, выбирала лидера и создавалась четверка лидеров. Они, имея мандат от избирателей на право представлять их интересы, уже принимали после дискуссии окончательное решение. Я не хотел валить с острова, а предлагал обосноваться и ждать инопланетян. Из вредности.

Свою четверку я кое-как убедил. А потом уговорил и лидеров. Ну что значит убедил – дожал беспощадным давлением и истерикой. В итоге маэстро получил вердикт от группы: остаемся на острове. Он расплылся и сказал:

– Вот видите, что значит общее решение.

Потом попросил поднять руки тех, кто изначально хотел оставаться на острове. Ни одной. В недоумении он спросил, а кто после убеждений захотел зависнуть на Мальдиве? Ноль рук. Технология трещала по всем швам. Автор тоже.

– А почему вы все тогда послушали Сашу и подписались!?

В тишине отчетливо прозвучало анонимное:

– Заебал, мы сдались. Извините.

Все закивали.

Волшебник страны 03. Веселая драма

У меня есть «почти сестра» (далее ПС). Ей не повезло. Она умная, красивая и молодая. И ни один из недостатков до сих пор не прошел. Она делает все возможное, но даже пьянство не помогает. Как понятно, терпеть такую никто не хочет. Нет, ну кому это надо, чувствовать себя полом в балетном классе. Все замечательно, лежишь себе в окружении красоты и большого искусства, но при этом по тебе постоянно ходят и не дай Бог трещина какая или неровность. Тут же достают рубанок и давай обтачивать. Если ты бетонный или каучуковый – тебе все равно, но мужчины чаще всего, как мы знаем, деревянные и не выдерживают. Хотя того стоит. Так сложилось, что очередной яшень не осилил задачу и отциклевался в ноль. Свалил то есть.

ПС погрустила, поискколола куколку, повыкидывала фотографии, да и стала ходить на свидания. На указанные выше недостатки тут же слетелись малоопытные деревяшки и принялись изображать корпоративную социальную ответственность. Главная ошибка недалеких принцев, узнавших, что у девушки личная драма и разбитое сердце, – это попытка показать себя с лучшей стороны и быть тетей Таней из «Спокойной ночи, малыши». Они начинают сочувствовать и усиленно лечить душу: цветы дарят, заботу проявляют, доброго утра каждый день в СМС желают, в постель не тащат. Ко-

роче, ведут себя омерзительно, а главное бессмысленно. Даже если их и используют в качестве нулофена, то светит им лишь побыть bridge-boy. И вот один такой мягкотелый бурндук (хороший парень, кстати, душевный и открытый, либо играющий в такого, что тоже через раз) на N-ом свидании вдруг завел разговор о состоянии здоровья. Мол, все ли у «почти сестры» хорошо. Лицо при этом состроил, как будто ПС пришла в ресторан без головы.

– Ты себя хорошо чувствуешь? Развод – это такой стресс, иммунитет может упасть. Если надо, у меня прекрасные врачи есть.

Нормальный такой комплимент для девушки, согласившейся на встречи в надежде прогнать тоску и нагнать самооценку. ПС сделала вид, что спросили не ее и перевела беседу в привычное русло таких свиданий: «Свет мой, зеркальце, скажи».

Ухажер функцию зеркальца выполнил, ПС была объявлена всех румяней и белее, но минут через двадцать тема медицины вновь всплыла. Румянец вызвал подозрения в краснухе, белизна – в нервном истощении. С заботой, достойной лучшего применения, ПС предложили ничего не бояться и сознаться, а лучше завтра же поехать на чекап в любую страну. Дескать, уже все организовано. ПС однажды предлагали отвезти на Лазурку, многократно в Дубай и бесчисленное количество раз в Московскую область. Но пытаться соблазнить многопрофильной клиникой как-то не рисковали.

– Нет, ну правда, я ведь чувствую, с тобой что-то не то. Я все устрою. Иногда надо себя побережь, доверится близкому человеку. Здоровье – это серьезно.

ПС ушла в туалет, посмотрела в нормальное отражение, позвонила подруге, маме, друзьям по работе и устроила допрос с пристрастием. Все сообщили, что она никогда не была так хороша, и товарищ просто маньяк, который хочет секса в операционной или мертвецкой.

ПС так парня и спросила. Я же говорил – умная и красивая, чего ей терять. Гражданин вспыхнул, вскочил до потолка, закудахтал, что его оскорбили в лучших чувствах и что он не такой, а весь прямой. Обиженный врач вошел в роль и чуть не выпалил, что бабам от него только одно и нужно. Но одумался. ПС извинилась и попросила объясниться.

– Просто пойми, ты третий раз за вечер меня к врачу пытаешься отправить. Я не понимаю почему.

– У нас не первое свидание, и я который раз вижу, как тебе звонит врач или ты ему. Прости, у тебя экран большой. И так как он не записан у тебя по имени, значит это не друг, а именно врач. Вот я и волнуюсь, хотел заботу проявить, а ты... Ну как ты могла?

– Какой врач?!

Мало того, что ПС всегда бесили попытки влезть в ее жизнь, так еще и с врачом она никаким не разговаривала.

– Ну у тебя кто-то записан «03». Скорая же или кто-то для скорой медицинской помощи. Я же могу еще пока построить

простейшую логическую цепочку.

ПС поняла бесперспективность ужинов с таким логичным прынцем и, не слишком долго думая, посадила хорошего и искреннего воздыхателя на кол. Чокнулась с ним, попросила, чтобы до дна (ну опасалась в лицо содержимое получить), и сказала как есть.

– «03» у меня записан человек, с которым я трахаюсь, когда не с кем, а очень надо. Чтобы не трахаться с тем, с кем не надо. Ты в телефон чужой меньше смотри.

Заботливый ожидаемо превратился в Агента Смита, наговорил гадостей, разделил счет и лопнул.

Я спросил «почти сестру»:

– А почему ты не начнешь встречаться с «03»?

– Он меня каждый раз воскрешает. Но если я начну с ним жить, кто меня потом воскресит?

Маркуша и папочка

– Цыпкин, всё. Пиздатушки Маркуше. Запалила его промискуитет. Готовь печень, на следующей неделе будем кабрик обмывать.

Девушки с филфака удивительным образом миксуют изощренный мат и речь интеллектуала, создавая свой собственный язык, в равной степени неповторимый и узнаваемый.

И вот, что отличает использующих мат, как украшение, от тех, кто просто не знает других слов. Мнение спорное, но мое, поэтому бесспорное. Образованные граждане редко используют матерные слова по прямому смысловому значению, зато регулярно изобретают что-то новое. Помню мой юношеский восторг от недавно услышанного, как оказалось, классического «солнечный пиздадуй».

Карина была в этом смысле ювелиром. Цитаты французских эссеистов она чередовала с многообразием нецензурной лексики и сбивала с ног практически любого мужчину, особенно вылезшего из грязи в князи на сверхзвуковой скорости девяностых. Таким был ее Марк, которого кроме как Маркуша мы не называли. Никто не понял, как из любовника он стал мужем, особенно родители Карины, но браки известно где совершаются.

Маркуша был старше нас лет на десять, вхож в мир со-

мнительных товарищей и сколотил на этом входе неплохой капитал. Веселый и добродушный, если речь шла не о возврате денег, обалдуй, любивший Карину всем сердцем. Но вот другими частями тела он иногда любил других девушек. Первые несколько лет кое-как держался, а потом... Фактуры у Карины не было, только чуйка. Обычно этого женщине достаточно, но она особо не волновалась. Надо сказать, сама Карина тоже ангелом не была и, вероятно, имела какой-то свой кодекс измен.

– Если просто хуепутает моделей, то поймаю – влипнет на машину новую. Если узнаю про роман, любовь и так далее – сразу вышвырну.

У Карины имелся серьезный папа, спавший и видевший процесс вышвыривания Маркуши.

Тем не менее на каком-то этапе – то ли из профилактики, то ли из любопытства, а скорее гены взыграли – захотелось Карине узнать про мужа чуть больше, чем он сам рассказывал. Я работал в сотовой компании – и из меня почти все вынимали душу насчет того, как бы что вынуть из телефона любимого.

– Никак. Да и потом, вот узнаешь ты, и что?

– В папочку собираю. Пригодится.

Гены есть гены. Папочка у Карины любил папочки.

И вот такой звонок. Я знал, что Маркуша рано или поздно влипнет, но решил попробовать спасти ситуацию убеждением.

– Как запалила-то?

– Телефон оставил, ну я поползала, понаходила, ебака наш кнопку delete игнорирует.

– Не запаролен, что ли, телефон?

– Ну щаз. Но Маркуша же у нас не Лобачевский. Пароль для сейфа в отеле изобретать не стал. Оказалось у него пинкод карточки такой же и на айфоне, разумеется, он же.

– Что нашла?

– Стандартный ювенальный ебаторий, но ничего серьезного. Старееет Маркуша. Но на папочку хватило. Я все распечатала, завтра устрою сцену, кину ему на стол и уеду к папе за город. Приваливай на шашлык и шоу. Будешь свидетелем возвращения блудного мужа с последующим распятием. Ты друг семьи, подтвердишь мои рыдания.

На следующий день Карина позвонила сообщить об отмене шоу.

– Отскочил Маркуша! Накрылся кабрик вагинально. Захожу к нему в кабинет с папочкой и намерениями. Вижу, Маркуша что-то в стол прячет и сам похож на обосравшегося дикобраза.

– Это как?

– Ну весь грозный, иголки во все стороны, а в глазах ужас. Я прям запарилась, что это он в стол прячет, дай думаю, проверю потом. Сделала вид, что просто так зашла. Утром влезла в его стол. Пусто, как в Маркушиной голове. Но я еще чуть поискала и нашла.

– Что нашла?! У него с кем-то роман?!

– Папочку я нашла.

– Какую?

– На себя папочку.

– А там?..

– Там? Там, блять, по ленинским местам! Не Бог весть что, но передумала я кабрик выжимать. Вот ведь Маркуша, хуй как груша. За это и люблю.

Так и живут с папочками спящими. Мирно. В любви и взаимопонимании.

А папочки – они такие. Успокаивают.

Бульварное

Сегодня утром, практически на ровном месте, жизнь нанесла мне удар. Могла бы предупредить, между прочим. Не чужая, вроде.

Итак, год назад я купил пальто. Я бы даже сказал с придыханием и умеренным воздержанием – ПАЛЬТО. Вкуса у меня нет, цвета сочетать не способен, продавцам не доверяю. Поэтому радостно хожу в черно-сером. Но в миланском аутлете впал в забытие по причине 80 % скидки и купил себе отчаянно (для такого аскета, как я) зеленое пальто «Etro». Дома развернул, испугался собственной смелости. Одних отенков малахитового в подкладке этого бушлата было пять. Не бойтесь, все чинно-благородно, без всякой там толерантности и яркости. Тем не менее очень страшно. Сразу же захотел его сдать, но именно поэтому аутлет и расположен в двух неделях пешего пути от цивилизации, чтобы такие малахольные, как я, не возвращались.

Переехало пальто со мной в Россию. Остальные вещи отреагировали на появление нового жильца приблизительно так же, как яйца в холодильнике принимают киви (оборот бессовестно украден у народного). С отвращением и завистью.

Я хоть и безвкусен, но понимаю, что к зеленому надо что-то еще такого же цвета или как-то подходящего. На момент

покупки, бутылочным у меня было только лицо, но потом и оно загорело. Задумался. Пришла в голову мысль купить изумрудный перстень, но задушило такого же цвета земноводное. Болотные сапоги аналогичного оттенка плохо смотрятся в Москва-сити. Огуречные перчатки хочется бросить в лицо самому себе. Грущу. Ношу серенькое привычное, по вечерам отгоняю моль от сокровища.

И вдруг, не поверите, в каком-то практически секунд-хенде попадаете мне на глаза шарф. Ну идеально подходит!

Купил, принес, поженил. На следующий день назначил встречи всем, кому возможно, и с шести утра ринулся покорять Москву. Лайки ставили прямо на шинель.

На следующий день шарф проебал. Не потерял. Я никогда ничего не теряю. Я именно проебываю. То есть я в принципе не могу вспомнить, в какой момент видел вещь в последний раз.

Рыдаю. Слезы не крокодиловы, как было бы уместно с точки зрения оттенка, а настоящие, с неподдельной ненавистью к себе. Ну что ж я за мудака-то такой, а!..

Снова хожу в асфальтовом. Подходящих палантинов больше не видел. Встречи не назначаю, работаю по телефону. А зачем... Что мне людям показать? В течение всей зимы пальто смотрит на меня с укоризной. Тоска и бессмысленность. Даже дни стали пепельными. Весна и моль с каждым днем подбираются все ближе. Подумываю о салатом лаке для ногтей. К стилистическим ограничениям добави-

лись климатические. Холодно так, что с голой шеей не побегаешь, а остальные шарфы, как вы догадались, серые. Выхода нет в любом случае.

Наконец сегодня, собираясь на день рождения к Виктору Шкипину, взбунтовался. Черт с ними, с правилами! Надену пальто. Ну хоть на один день вырвусь из рамок и стандартов. Потеплело ведь, пойду расхристанный и разнузданный, зеленый и счастливый.

Пальто не надевается. Что-то мешает.

«Нда... Вот что значит зависелось без мужика. И все-таки почему же мне руку-то не вставить. Да что-же там такое?!»

Твою ж то! ШАРФ. Он три месяца, сволочь, именно в рукаве и жил. Взял я ножницы и захотел прикончить обоих, но сдержался. Просто избил.

Шатаюсь теперь по родному уже Гоголевскому туда-сюда. Обращают.

Носишь серое, а «Шарф» все время рядом. Всегда. Просто нужно в рукаве посмотреть. Он, сука, точно там.

Жертвенное. Мужское

Встречи с друзьями – теперь не только повод выпить, но и возможность услышать романтические, высокодуховные истории из жизни сограждан. Обсуждали на днях мой пост про долги детям и родителям, и вот...

Итак, одни сограждане развелись. Они собирались жить долго, умереть в один день, обзавелись двумя детьми, собаками, квартирами, машинами, отпусками, обоями и заборами, но потом муж не вынес мусор.

Супруги разобрали проступок на семейном совете, приняли решение, что это тупик, и расстались.

Все прошло без бойни. Дети с мамой. Общайся – не хочу. Но, как это часто бывает в жизни, наследники начали немного на папу подзабывать. Учатся в младше-средних классах, уроки, секции, не до отца. Если только он не возит на машине или не покупает велосипед.

И вот случилась ситуация. То ли день рождения они папин пропустили, то ли еще какой игнор был включен. Но товарищ загрустил. Пьет в компании друзей и делится переживаниями. Всё достойно, никого не винит, просто грустит.

Выступление сольное. Тема: «А я для них столько...» С каждой рюмкой вес сделанного возрастает, тоска накачивается, неблагодарность – налицо. Повторюсь, мужик с понятиями, никаких обид, просто наблюдение за событиями. При-

атели сочувствовали, но в пределах разумного – дети, что с них взять! Вырастут – стакан воды-то подадут. Мол, мы все для них на жертвы идем. И тут последовал ответ, поставивший оратора на другую ступень в рейтинге поступков отца:

– Да я, ребята, понимаю, я же не про деньги или вещи, я же всю душу вкладываю... Сколько раз себя ломал... Да я ради них!

Он замолчал, выдохнул, маханул стопку, закусил болгарским перцем и отрезал:

– Я ради них... завгороно¹ выебал!

Р. S. Мнение автора может не совпадать с оценкой жертвенности, определенной героем. Цитата с нецензурным глаголом сохранена.

¹ Заведующая городским отделом народного образования. Решает вопросы по школе.

Геннадий Валентинович. Притча о загадочной женской любви

Геннадий Валентинович жил не зря. Редко кто может похвастаться, что по-настоящему нужен людям, будучи всего лишь московским силовиком не Бог весть какого, но все-таки полета, а не ползка. Очень часто человек его должности у россиян вызывает либо ненависть, либо равнодушие, либо страх. Иногда эти три отношения меняются местами.

Геннадия Валентиновича многие искренне любили, причем и мужчины и женщины. Он умел помочь, когда нужно, и при этом оставался в тени. Никогда не требовал особого внимания, хорошо знал о своей роли в жизни каждого, кого он облагодетельствовал, но не напоминал о ней. Да, он иногда мог позвонить в ночи или написать своим подопечным, но это происходило в исключительных случаях, и все ему это прощали. Даже жены крышуемых им предпринимателей достаточно средней, по меркам российского «Форбс», руки. Была, правда, у Геннадия Валентиновича тайна...

Но подождите, не все сразу.

Коля, Толя и Боря дружили давно, у каждого была традиционная для отечественной экономики смесь собственного бизнеса и управленческой позиции в госкорпорации. При таких делах очень нужен свой человек хотя бы в какой-то силовой структуре. Никогда ведь не знаешь, откуда прилетит

граната, могут и бизнес прижать, а могут и в хищениях авторучек обвинить. Вот на такой случай и был у трех друзей в книжке записной телефон волшебного Геннадия Валентиновича. Как человек военный покровитель любил не деньги, точнее не только деньги, а прежде всего уважение, которое в его понимании выражалось в личных визитах по соответствующим праздникам. Отслужил Геннадий Валентинович в трех родах войск, поэтому пил кроме Дня Чекиста еще в День ВДВ и День Пограничника. Прибавим 23 февраля, 9 мая, День Конституции, День Независимости, День Народного Единства, 7 Ноября, Новый год, Рождество и почему-то день рождения пионерской организации. Этого секрета Геннадий Валентинович не выдавал, но все знали о его любви к дате. Поговаривали, в юности был он влюблен в пионервожатую.

Если прибавить встречи по делам самих, так сказать, управленцев, то в год набегало около двадцати визитов к покровителю. Каждый сопровождался неким символическим и не очень подношением, а также абсолютно несимволическим возлиянием.

Самое смешное, что день рождения у солидного человека приходился на несолидное 14 февраля. Когда в Россию пришел богомерзкий День святого Валентина, Геннадий Валентинович со своим отчеством попал в достаточно комичную ситуацию. Его, настоящего генерала, друзья поздравляли валентинками с самыми нежными подписями. Он чуть ли не

через Госдуму хотел провести закон о запрете праздника, но ресурса не хватило. Ходил слух, что даже на самом верху посмеивались над казусом военного. Как вы понимаете, подарки на 14 февраля покупались Колей, Толей и Борей сначала ему, а потом уже женам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.